

Видения в повествовательной структуре памятников древнерусской литературы (Киево-Печерский патерик и Житие Александра Свирского)

В медиевистике весьма актуальной является проблема изучения топика (так называемых общих мест). Воспроизведение топо́сов — один из основных принципов, согласно которым создаются древнерусские сочинения. Данный феномен проявляется на разных уровнях их организации: это могут быть как отдельные словесные формулы (например, воинские, житийные, документальные), так и повторяющиеся в повествовании модели образов, мотивы, сюжетные и композиционные схемы и проч.¹ Если взглянуть на видения с этой позиции, то они представляют собой воспроизводящуюся в текстах относительно устойчивую модель. Результаты такого осмысления материала изложены в работах Б.И. Ярхо (им рассматривались западноевропейские средневековые видения) и Н.И. Прокофьева (в основе его работ — оригинальные древнерусские видения), где исследователями были описаны устойчивые признаки парадигмы жанра². Анализируя видения, выявляя их структуру (границы) в конкретных текстах, мы отталкиваемся от схемы, предложенной Прокофьевым³. Наши наблюдения показывают, что видение в тексте, даже если это так называемое самостоятельное видение⁴, не существует само по себе: в произведении всегда есть часть повествования, которая предшествует ему, и часть, следующая после него, поэтому закономерно возникает вопрос о том, каковы механизмы, с помощью которых средневековый автор «инкрустирует» видения в ткань сочинения. Этот вопрос главным образом и будет рассматриваться в статье. В повествованиях памятников выявляются схожие механизмы, с помощью которых средневековый автор «инкрустирует» видения в ткань сочинений, поэтому мы можем описывать их, привлекая разный материал.

В данной работе нами будут сопоставлены два сюжета с видениями, наполненными про-

тивоположным по смыслу содержанием, входящие в состав сочинений, относящихся к разным типам агиографии, созданных в разное время, — Киево-Печерского патерика⁵ и Жития Александра Свирского⁶ (в Слове об Исакии Печернике из патерика святому явлены бесы в образе ангелов и бес в образе Христа, в Житии Александр видит святую Троицу).

Прежде чем анализировать Слово об Исакии Печернике, опишем структуру Киево-Печерского патерика, поскольку оно находится в составе этого ансамбля. Памятник открывается Словом о создании Печерской церкви⁷, далее в нем выделяются два агиографических цикла, принадлежащие Симону, епископу Владимирскому и Суздальскому, и иноку Поликарпу⁸. Заключительная часть патерика — Слово о первых черноризцах печерских. Слово об Исакии Печернике входит в этот смысловой блок, оно завершает как последнюю часть патерика, так и сочинение в целом.

Слова о подвигах печерских иноков (которые составляют циклы Симона и Поликарпа и заключительную часть памятника) считаются особой разновидностью житий — патериковыми житиями⁹. В отличие от житий-биосов¹⁰ (к ним относится и Житие Александра Свирского), повествования которых могут быть достаточно пространными и насыщенными разного рода деталями, связанными с жизнью святого, это произведения малой агиографической формы: «Патериковое житие не ставит своей целью дать целостный развернутый рассказ о жизни героя. <...> В эпицентре агиографического рассказа в Печерском своде от одного до нескольких наиболее ярких эпизодов жизни героя, остальные известия о нем выступают в начале или финальной части произведения в сжатом виде»¹¹. При анализе нашего материала важно представлять специфику житий двух разных

типов, так как это помогает объяснить сходства и различия в организации видений в текстах памятников.

Рассмотрим части сюжетов с видениями из Слова патерика (Патерик, 77–78) и Жития Александра (Житие, 38–61). Чтобы видеть, в каких точках сюжетов смысл текстов совпадает, а в каких расходится, будем анализировать сразу оба повествования.

Интересующие нас события начинаются с того, что главные герои обоих памятников постригаются в монахи, став монахами, они стремятся к совершению духовных подвигов. Из Слова патерика об Исакии мы узнаем, что он после пострижения сразу затворяется в пещере и в течение семи лет ведет очень строгую жизнь. В Житии Александра ситуация развивается иначе: святой, проведя много лет в монастыре, хочет уйти в пустынь, но игумен не позволяет ему сделать это, потому что считает Александра еще не готовым к такому подвигу, и тот остается до тех пор, пока ему не было явлено видение Богородицы, после которого святому позволено покинуть монастырь. Находясь в пустыни, старец достигает такой духовной крепости, что своей молитвой изгоняет бесов с того места, на котором поселился.

Далее в обоих памятниках следуют рассказы о видениях святых. Патерик повествует о том, что Исакию во время пения псалмов явились бесы в образе ангелов (прекрасных юношей с сияющими лицами) и повелели поклониться главному среди них бесу, которого назвали Христом. Подвижник исполнил их повеление, потому что не мог отличить бесовского явления от божественного, и чуть не умер от их козней (взяв сопели, гусли и бубны, бесы заставили святого плясать до полусмерти). В Житии Александра святой сначала два раза видит ангела, который, оглашая желание Всевышнего, велит построить церковь и монастырь. Затем в следующем видении это повеление повторяет уже сам Господь, явившийся Александру в образе святой Троицы. И в последнем видении Александр вновь видит ангела, тот указывает ему место создания церкви.

В Слове патерика после видения рассказывается, что из-за бесовских козней Исакий в течение трех лет пребывает в тяжелой болезни и за ним ухаживает Феодосий Печерский. Исцелившись, подвижник понимает, что был не готов к подвигу, который на себя возложил, и решает продолжить путь духов-

ного совершенствования в обители. Он обретает такую духовную крепость, что вновь поселяется в пещере и бесы уже не могут его победить. В Житии Александра, благодаря видениям ангела и Троицы, воплощается Божий промысел: преподобный, как ему было предсказано, становится для многих духовным наставником, игуменом собственного монастыря.

Перед нами два сюжета, в которых не только рассказы о видениях с противоположным по смыслу содержанием, но и логика повествования патерикового Слова по отношению к повествованию Жития как бы развернута в противоположную сторону. Обратим внимание на важные отличия: 1) желая свершить подвиг, Исакий беспрепятственно затворяется в пещере, а Александр, напротив, не может осуществить свое намерение уйти в пустынь, его отпускают из обители только после того, как ему явилась Богородица; 2) после видения Александр осуществляет замысел Всевышнего, а Исакий пребывает в болезни.

Но несмотря на указанные различия, в построении сюжетов можно увидеть и формальное сходство, выявить общую схему: 1) стремление старцев свершить подвиг во имя Всевышнего; 2) свершение подвига (в одном случае это жизнь в затворе, в другом — в пустыни); 3) видения старцев; 4) воплощение воли высших сил (оба святых поднимаются на новую ступень духовного совершенствования: Александр становится игуменом собственного монастыря; Исакий, оправившись после болезни, также начинает другой этап своего пути, он приходит к тому, с чего начинается духовный путь Александра, — к послушанию в монастыре).

Названные сходства и различия объясняются лишь в контексте памятников, поэтому важно понять, как выстроен смысловой план текстов в целом. В Киево-Печерском патерике в Послании епископа Симона (предваряющем первый агиографический цикл, составленный этим же автором) намечены основные темы, которые затем развертываются в рассказах о подвижниках на протяжении всего текста. Одна из главных — тема покаяния грешника, которое приводит к спасению.

В патерике выделяется пласт Слов о «грешных святых» (Слова об Еразме Черноризце, об Арефе, о Тите и Евагрии, о преподобных отцах Феодоре и Василии), разви-

вающих названную тему, среди них и Слово об Исакии Печернике. Кроме того, в ряд этих Слов входит рассказ еще об одном подвижнике, затворившемся в пещере без благословения игумена и прельщенном бесом, — это Слово о Никите Затворнике (оно открывает агиографический цикл, принадлежащий второму автору — иноку Поликарпу). Этот подвижник в тексте сравнивается с Исакием. Никита, желая людской славы, хочет затвориться в пещере. Но игумен не позволяет ему сделать этого (поскольку подвижник еще молод, лучше ему оставаться в монастыре среди братии), а также напоминает, что сам Никита был очевидцем того, как Исакия прельстил дьявол:

О чадо, несть ти ползы праздну сидети, поже ун еси; уне ти есть, да пребудеши посреди братиа, да, тем работаа, не погресиши мзды своея. Самовидец еси брата нашего святого Исакия Печерника, како прелщен бысть. Аще не бы велия благодать Божиа спасла его, иже ныне чудеса творит многаа?! (Патерик, 37).

Но Никита не послушается игумена и повторит путь Исакия.

Два названных слова (об Исакии и о Никите) входят в своеобразный диалог с Посланием епископа Симона, в котором тот призывает покаяться инока Поликарпа: «И исправи в себе согрешение, и всю силу вражю победиши» (Патерик, 20). Вкратце его история такова: возжелав власти, инок стремится покинуть обитель (он дважды игуменствовал в других монастырях, но по каким-то причинам вынужден был возвратиться, а также у него есть серьезные виды на епископство, которые поддерживаются светской властью). Симон обвиняет Поликарпа в том, что тот, принимая решения, руководствуется собственной волей, а не волей Всевышнего, что ведет к духовной гибели.

Не веси ли, яко древо, часто не напаемо, скоро изсохнет? И ты от послушания отча и братий своих оставле свое место, вскоре хотя погыбнути. Таковый овча, пребываа въ стаде, неврежено будет, а отлучившееся — скоро погыбнет и волком изъядено бываает. <...> Разумех тя санолубца, и славы ищещи от человек, а не от Бога. Не веруеши, окаяне, писаному: «Никтоже о себе возмет чести, но възванный от Бога» (Патерик, 21).

Примеры Никиты и Исакия — примеры гордецов, сами возлагая на себя «послушание» (как это делает и инок Поликарп, по словам Симона), они «откалываются» от братии и остаются со своим грехом один на

один, поэтому становятся доступны для бесовского искушения.

Когда читатель доходит до заключительного Слова патерика — Слова об Исакии, то ему уже известно, что этот святой — один из «грешных святых», «вплетенных» в данное повествование. Таким образом, это Слово не просто завершает памятник, оно завершает тему, начатую в Послании епископа Симона, образуя кольцо на уровне композиции и смысла текста.

Рассмотрим Житие Александра Свирского. Из этого текста нам известно, что преподобному было явлено множество божественных знаков (они стали являться ему еще до пострижения в монахи), указывающих на то, что он должен воплотить замысел Всевышнего — собрать братию и создать монастырь, но он решился осуществить это только после видения Троицы. В видении он поведал Господу, почему до сих пор не исполнил повеления. Оказалось, Александр считает себя недостойным этого: он поселился в пустыни, чтобы плакать о своих грехах, а не строить монастырь:

Кто есмь аз? Грешник, Господи мои, и всех человек худейший. Да на толико дело доволен буду, о немь же ми глаголеши? Несмь достоин толики страшны дерзая приати службы и не могу аз противу сея быти. Аз убо, Господи, не сего ради приидох на место се, да строю монастырь, но да плачюся грех моих (Житие, 59–60).

В рассмотренных нами текстах показаны два разных духовных пути подвижников — раскаявшегося грешника и основателя монастыря, это два разных типа героев, встречающихся в памятниках агиографии¹². В житиях (а патериковые слова, как было сказано в начале работы, можно считать особой разновидностью жития) фигура главного героя — организующее начало повествования, событийная канва текста, в том числе и видения, подчинена плану героя. И мы, соответственно, видим два разных типа повествования, которые выстраиваются вокруг названных героев. Но данные повествования объединяет общая мысль о том, что настоящий духовный подвиг невозможен без смирения и покаяния.

Что касается логики, согласно которой видения вводятся средневековым автором в ткань текстов, то можно выявить общую схему, которая выглядит следующим образом.

1. Исходная точка, своего рода «завязка» видения. Это ситуация, которая вызывает/

требует вмешательства высших сил («завязкой» может быть, например, требующий ответа вопрос тайнозрителя или, как в случае с Александром Свирским, решение уйти в пустынь, которое он не может осуществить, замысел всевышнего, который он долгое время не воплощает; также это может быть греховная жизнь тайнозрителя, как в Слове об Исакии Печернике, Повести о видении Антония Галичанина, Повести душеполезной старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке и проч.).

2. Видение (или несколько видений, связанных между собой по смыслу).

3. Разрешение ситуации, которая требовала вмешательства высших сил.

На основе данной схемы строятся сюжеты памятников древнерусской литературы. Это дает возможность не просто сопоставлять разный материал, но позволяет говорить о специфике видений как в конкретных текстах, так и с точки зрения аспекта истории жанра.

Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО — УрО РАН «Х.106.53. Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Кадлубовский А.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902; *Орлов А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. М., 1902. Кн. 4, отд. 3. С. 1–52; *Бугославский С.* Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии // Сборник статей в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 332–336; *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947; *Творогов О.В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 29–40; *Hunger H.* On the imitation (μιμησις) of antiquity // *Dumbarton Oaks Papers*. 1969–1970. P. 15–38; *Piccio R.* Models and patterns in the literary tradition of medieval orthodox slavdom // *American Contributions to the Seventh Intern. Congr. of Slavists*. Warsaw, Aug. 21–27, 1973. Vol. II: Literature and Folklore. The Hague; Paris, 1973. P. 439–467; *Буланин Д.М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 3–13; *Панченко А.М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 236–250; *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 1. Л., 1987. С. 344–370; *Плюханова М.Б.* Сюжеты и сим-

волы Московского царства. СПб., 1995; *Журавель О.Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996; *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия); *Зюлтор П.* Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003. С. 82–97; *Панченко О.В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике, гимнографии) // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 491–534; *Руди Т.Р.* «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 211–227; *Она же.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59–101; *Она же.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 431–500; *Семенюк Ю.В.* Сюжетно-композиционная структура славяно-русской переводной агиографии Киевского периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univ-orel.ru/disert/semenyk.doc>. Дата обращения 01.08.2013; *Васильев В.К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX вв. (Архетипы русской культуры): От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009.

² См.: *Ярхо Б.И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 31–39; *Прокофьев Н.И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Т. 231. М., 1964. С. 38–40; *Он же.* Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Т. 256, ч. 1. М., 1967. С. 36–53.

³ *Прокофьев Н.И.* Видение как жанр... С. 40.

⁴ Видения — обширный, достаточно разнородный материал с точки зрения тематики; кроме того, ранние рассказы о видениях существуют только в составе обобщающих сочинений, а в XVI в. они уже встречаются как отдельные произведения (например, Видение хутынского пономаря Тарасия, Повесть о видении Антония Галичанина) и начинают свое существование наряду с находящимися в составе памятников.

⁵ В работе используется текст: Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 7–80. Далее в тексте в скобках указываются страницы этого издания с пометой «Патерик».

⁶ В работе используется текст: Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель / Сост. И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Л.А. Захарова, К.Н. Лемешев. СПб., 2002. (Памятники русской агиографической литературы). С. 23–105. Далее в тексте в скобках указываются страницы этого издания с пометой «Житие».

⁷Видения, входящие в эту часть патерика, привлекались нами для анализа ранее. См.: *Ковалева Т.И.* Видения в повествовательной структуре «Слова о создании церкви...» в Киево-Печерском патерике // *Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе.* Новосибирск, 2006. (Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы; вып. 7). С. 122–132; *Она же.* Структурно-смысловые особенности видений в «Слове о создании церкви...» в Киево-Печерском патерике // *Сибирский филологический журнал.* 2006. № 1–2. С. 4–8; *Она же.* Роль видений в сюжетной ситуации создание церкви/монастыря: Житие Кирилла Белозерского и Киево-Печерский патерик // *Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте.* Новосибирск, 2008. С. 103–111.

⁸Считается, что текст патерика вырос из «переписки», возникшей между двумя этими постриженниками Киево-Печерской обители, ставшей ядром сочинения (*Ольшевская Л.А.* Патерик

Киево-Печерский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 308–309).

⁹*Ольшевская Л.А.* Своеобразие жанра житий в Киево-Печерском патерике // *Литература Древней Руси.* М., 1981. С. 21.

¹⁰Структура житий данного типа подробно описана в работе Х.М. Лопарева (*Лопарев Х.М.* Византийские жития святых VIII–IX веков // *Византийский временник.* Т. XVII. СПб., 1911. С. 13–36).

¹¹*Ольшевская Л.А.* Своеобразие жанра житий... С. 22.

¹²Сюжеты житий «грешных святых», влияние традиции данных житий на произведения новой литературы подробно рассматриваются в монографии М.Н. Климовой (*Климова М.Н.* От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010).